

Николай Михайловский

О «Бесах» Достоевского

Николай Михайлович
О «Бесах» Достоевского

«Public Domain»

1873

Михайловский Н. К.

О «Бесах» Достоевского / Н. К. Михайловский — «Public Domain», 1873

«Когда стало известным, что г. Достоевский делается ответственным редактором „Гражданина“, „органа русских людей, состоящих вне всякой партии“, многие были этим обстоятельством заинтересованы. Интересовался и я...»

© Михайловский Н. К., 1873

© Public Domain, 1873

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Николай Константинович Михайловский О «Бесах» Достоевского

«Пурриры» «Гражданина»¹. – Отчего г. Достоевский не пользуется темами, подходящими к его таланту, и берет неподходящие. – Комментарии к «Бесам». – Дневник писателя. – Власы и citoyens du monde civilise. – Тех ли и всех ли бесов нарисовал г. Достоевский.

Когда стало известным, что г. Достоевский делается ответственным редактором «Гражданина», «органа русских людей, состоящих вне всякой партии», многие были этим обстоятельством заинтересованы. Интересовался и я. Мне было прежде всего обидно за г. Достоевского. Если бы у «органа русских людей, стоящих вне всякой партии», как он обрисовался за год своего существования; если бы, говорю, у него были какие-нибудь определенные идеи, то это были бы, по-видимому, идеи весьма дикие, ни с чем не сообразные. В таком случае можно было бы даже радоваться, что ни с чем не сообразные идеи отстаиваются неумело и бездарно. Ведь хуже бы было, если бы за такое дело взялся человек или очень ловкий, или очень талантливый. Но такое рассуждение совершенно не применимо к «Гражданину». Никаких ясно определенных дикостей и несообразностей он не проповедовал, а был все время некоторой кунсткамерой, хранилищем самых разнообразных антиков, монстров и раритетов, большею частью неважных даже в смысле античности и монструозности. Так, шутовство какое-то было, в сущности даже совсем невинное, насколько шутовство может быть невинно. Шутовство составляло именно цвет органа русских людей, стоящих вне всякой партии. Теперь в Петербурге появились какие-то конфеты, называемые «пурриры» (sic)¹. Конфеты сами по себе просто скверные, и соль или, вернее, сладость их состоит в прилагаемых к ним билетиках. На билетиках напечатаны стишки, сами по себе не столько смешные, сколько неожиданные, и эта неожиданность-то и может заставить иногда улыбнуться. Стишки тут, собственно, вовсе не «для смеху», не рош гiге², а просто «пуррир». Так вот такой-то газетой «пуррир» и был орган русских людей, стоящих вне всякой партии. Издал, например, «Гражданин» за летние месяцы, в которые он не выходил, сборник; на первой странице второго тома этого сборника напечатано: «Посвящается подписчикам „Гражданина“ в знак благодарности и уважения от издателя и редакции». Очевидно, это не для смеха, это просто «пуррир». Или вот, например, стихотворение:

О, я, несчастный Атлас! Целый мир,
Мир целый мук и скорби я несу!
Невыносимую несу я ношу, сердце!
О, как еще не разорвешься ты!
О, сердце гордое! Ты этого хотело!
Хотело счастья ты, безмерного хотело —
Или безмерного несчастья – сердце!
Пришло к тебе – безмерное несчастье!

Это, очевидно, вовсе не для смеха сделанный перевод Гейне, это отрывок из обширного «пуррира» г. Прахова, печатавшегося в прошлом году в «Гражданине». А пурриры кн. Мещерского? Да всего и не перечтешь. И редактором такой-то газеты «пуррир» является вдруг г. Достоевский. Поневоле станет обидно за него, как за одного из талантливейших современных писателей. Что он Гекубе? Что она ему? Но затем является вопрос: что сделает из «Гражда-

¹ так (латин.).

² для смеха (франц.).

нина» г. Достоевский и сделает ли что-нибудь? Теперь, кажется, можно уже ответить на этот вопрос. Г. Достоевский из «Гражданина» ничего не делает, ничего или почти ничего. Правда, шутовской характер органа русских людей, стоящих вне всякой партии, постепенно ослабевает под влиянием, надо думать, нового редактора. Но Бог весть, к добру ли это: шутовство именно и составляло до сих пор цвет «Гражданина», и, лишаясь его, «Гражданин» обесцвечивается. А что получает он взамен? Фельетоны г. Достоевского («Дневник писателя»), которые, без сомнения, читаются с большим интересом. Но г. Достоевский – писатель в высшей степени своеобразный и однообразный, до такой степени своеобразный и однообразный, что для него едва ли возможно распространить свой дух на всю пустыню «Гражданина». Он будет изображать собою некоторый оазис среди этой пустыни, и больше от него ничего нельзя требовать.

Кстати, о своеобразии и однообразии г. Достоевского. Я только на днях прочитал его последний роман «Бесы», уже в отдельном издании, и по прочтении мне пришел в голову следующий вопрос: отчего г. Достоевский не напишет романа из европейской жизни XIV–XVI столетия? Какое ведь там обширное поприще представляется для его блестящего психиатрического таланта (иначе я не могу назвать талант г. Достоевского). Все эти бичующиеся, демономаны, ликантропы, все эти макабрские танцы^[2], пиры во время чумы и проч., весь этот поразительный переплет эгоизма с чувством греха и жаждой искупления, – какая это была бы благодарная тема для г. Достоевского. Мне почему-то вспомнился Декамерон, и я уже сравнивал игривые и легкомысленные арабески Боккаччио с тем, как воспользовался бы этой темой г. Достоевский. Но я очень быстро оборвал нить этих соображений и едва ли не вскрикнул: «Ах я телятина!» С какой в самом деле стати г. Достоевскому заниматься таким далеким временем и такими чужими делами? Просто мне глупость пришла в голову. Какие тут макабрские танцы и шабаши ведьм, с чего? Это так. Но почему бы не воспользоваться г. Достоевскому такими моментами, как, например, наше масонство? Может быть, из декабристов нашлись бы для него подходящие фигуры. Или вот, например, «духовный союз» Татариповой, или история Грабянки^[3]. Да и вообще царствование Александра I и начало царствования Николая Павловича так и просятся под перо г. Достоевского. Если, наконец, и это для него слишком отдаленное время, то он и нынче может найти благодарнейшие мотивы в некоторых раскольничьих сектах, в монастырской жизни, наконец, в спиритизме. Я видал всего одну только спиритку, но положительно говорю, что лучшего материала г. Достоевскому не найти.

Однако это становится любопытно. Как ни верти, а г. Достоевский точно намеренно обходит все те темы, которые дали бы ему возможность развернуть свой блестящий талант. Скажут, может быть, что перечисленные темы требуют особого специального изучения. Это правда. Но, спрашивается, изучал ли г. Достоевский те темы, которые им эксплуатируются, и принадлежат ли они фактически к числу тем, преимущественно для его таланта пригодных? Небезынтересно рассмотреть это дело несколько поближе. Замечу на всякий случай, что я очень уже давно читал старые произведения г. Достоевского и только «Мертвый дом» помню с достаточной отчетливостью. Материалы для моей беседы о г. Достоевском ограничиваются «Преступлением и наказанием», «Бесами» и «Дневником писателя». Было бы очень любопытно проследить весь ход развития идей и таланта г. Достоевского; но я должен отказаться от этой интересной задачи.

Можно с различных точек зрения различно классифицировать многочисленные действующие лица нового романа г. Достоевского. Но я попробую разделить их на несколько категорий с точки зрения отношения к ним г. Достоевского, как писателя, при чем и выяснятся особенности его таланта.

Мы найдем в «Бесах», во-первых, несколько фигур, сделанных очень топорно и вовсе г. Достоевскому не принадлежащих. Это молодые люди, говорящие: «нынче нет привидений, а естественные науки», девушки, разъезжающие из города в город, «чтобы заявить о страданиях несчастных студентов и возбудить их повсеместно к протесту», и т. п. Эти шаблонные

образы, играющие в романе последнюю роль, автором не продуманы и не прочувствованы, а взяты напрокат у гг. Стебницких и Ключниковых⁴. Некоторое исключение, впрочем, составляют более или менее самостоятельно отделанные и потому более или менее человекообразные фигуры жен Шатова и Виргинского. Всю эту группу г. Достоевский окрещивает именем «идеи, попавшей на улицу».

Затем идет ряд образов, принадлежащих г. Достоевскому наравне с другими русскими беллетристами. Они, разумеется, очень разнообразны по поэтической концепции, по своей нравственной идее, по роли, занимаемой ими в романе, и проч. Но я их ставлю в одну категорию потому, что всем им можно подыскать параллели в произведениях других наших романистов и все они в то же время суть самостоятельные создания г. Достоевского. Например, тип идеалиста сороковых годов эксплуатировался у нас весьма часто. Г. Достоевский берет его, но берет с некоторых новых сторон и потому придает ему свежесть и оригинальность, несмотря на избитость темы. Если бы я имел в виду собственно критический разбор «Бесов», то я непременно занялся бы этими поучительными параллелями. Но я пишу только заметки. Большая часть лиц этой второй категории в «Бесах» удачны, а некоторые даже превосходны. Если прекрасные фигуры упомянутого идеалиста сороковых годов, Степана Трофимовича Верховенского, и знаменитого русского писателя Кармазинова, читающего свой прощальный рассказ «Merci»³

³ «Спасибо» (франц.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Гражданин» – политическая и литературная газета-журнал, издававшаяся в Петербурге с 1872 по 1914 г.

2.

Ликантроп (греч.) – буквально человек-волк. Макабрские танцы – пляски смерти.

3.

Грабянко из Панкрацевиц основал в конце XVIII в. братство «Народ Божий и Израиль».

4.

М. Стебницкий – литературный псевдоним писателя Н. С. Лескова.